

Москва простилась с Ефремовым

ТРАУР В КАМЕРГЕРСКОМ

Вчера сцена МХАТа утопала в цветах и траурных венках, выложенных в виде огромного креста. Гроб с телом, которое отчего-то не хоронили семь дней. Последний миг, каким запомнился **Олег Ефремов**: короткая стрижка, пожелтевшее спокойное лицо, плотно сжатые губы.

Вчера в последний раз он находился на сцене своего Художественного театра. А в Камергерский переулок уже с 8 утра подтягивался народ, чтобы проститься с человеком, олицетворявшим целую эпоху в нашей культуре.

Приготовления к церемонии прощания с Олегом Ефремовым начались в прямом смысле слова на заре. Все подъезды ко МХАТу им. Чехова перекрыли милиция и люди в штатском. Кажется, что Тверская вымерла. Охрана выставлена даже на соседних улицах. Такие меры предосторожности связаны с появлением во

МХАТе **Владимира Путина**. Президента ждали к 9.00, но он опоздал примерно на час. Правда, в театре Путин пробыл не больше пятнадцати минут и вскоре вышел в сопровождении министра культуры **Михаила Швыдкого**. Буквально через пару минут Швыдкой вернулся в театр, а президентский кортеж стремительно умчался в сторону Пушкинской площади.

Декорацией МХАТа была растяжка через весь Камергерский с надписью: "25 июня снова на сцене — "Чайка" в постановке Олега Ефремова". Вместо привычных афиш — повсюду портреты худрука МХАТа разных лет.

В этот день во МХАТе можно было увидеть весь театральный мир. На сцене справа неподвижно сидит труп. В первом ряду — **Галина Волчек**, вся в черном, притихшая и подавленная. Ближе к залу — сгорбленный **Михаил Ефремов**. Похож на отца, смотрящего на зал с огромного портрета в глубине сцены. **Евгений**

Миронов с белым букетом опускается на колени. Где-то за кулисы скорбно играет живой оркестр. Рядом промелькнул **Юрий Башмет** со скрипкой в руках.

Александр Ширвиндт, поклонившись другу, вспомнил о своей последней встрече с руководителем МХАТа:

— Это было на дне рождения Егора Яковлева, редактора "Общей газеты". Компания собралась настолько замечательная, что я даже пошутил: "Если сейчас здесь взорвется бомба, то наступит конец демократии". Тогда у Яковлева ему стало плохо, и мы вместе уходили. Страшно сейчас вспоминать: он за меня схватился и, задыхаясь, начал говорить, что, мол, еще увидимся. На самом деле он со мной прощался, и я сразу понял это. Бред собачий, что нет незаменимых людей. "Ефремов — незаменим."

(Окончание на 2-й стр.)